

22 июня 1954 - № 26 - С. 7

Поклон Поклену

Больше все о я люблю театр. Но волею судьбы занимаюсь экономикой, служу или сижу в газете с финансовым и деловым уклоном. И оттого, когда я бреюсь по утрам, на меня из зеркала смотрят выпитый Шеварднадзе и просто трагическая маска...

И вот однажды воскресным утром мне позвонил знакомый режиссер Валерий Иванович Якунин. «Приходи в театр», — сказал он. — «Посмотришь репетицию». И я уже в пути на Пятницкую улицу, где обосновался Якунин со своей группой. Правда, название — Камерный театр (если подразумевать сценическое помещение) — звучит излишне громко. Но в смысле содержания искусства, уверяю вас, все в порядке: там есть и жизнь человеческого духа, и творческое братство, и труд до седьмого пота.

Отыскать служителей Мельпомены не слишком трудно, все расположились под крылом памятника XVIII века: церкви Иоанна Предтечи под бором. А ведет к ним — на второй этаж, в кабинет директора и репетиционный зал, крутая лестница в двадцать ступеней. Ровно столько ступеней в познании театра прорвано Якунином (и мною) за последние двадцать лет.

— Заходи, — расхлопывает дверь человек, отчего похожий на Иоанна Предтечу.

Жизнь Валерия Ивановича скотана из одних только парадоксов. Начать с того, что он не знает, когда родился, кто его родители по крови и, естественно, кто он сам по национальности. Знает только, что в феврале 1945 года его мама была беременна, ее сбило машиной в больнице она родила мальчика, попросила назвать Валерием, и умерла. А еще через год добрая русская семья забрала мальчика из приюта и дала ему свою фамилию: Якунин.

Отец Валерия Ивановича был бранд-майором (пожарником), дружил с Лемешевым, любил петь и играть в духовом оркестре. Представляю себе зрелище: Иван Якунин, на большой праздник, помолсился в храме, выпил стопку водки, выходит на улицу в надрывной медиске каске с медным эмейт-горынчом через плечо. Такие вот парадоксы, такой вот театр... Хочешь не хочешь, а становишься режиссером...

Прощагав через двадцать ступеней, я всерьез уверяю друга, что здесь, в этом здании, ему помогает Иоанн Предтеча. Когда Валерий Якунин пришел сюда работать, актеры перестали покидать Камерный театр (бывший Первый областной). Его приглашали на разные постановки в другие труппы, звали быте оче-

редником. Но, видно, что-то притягательное было в близости святого, крестившего Спасителя. Режиссер работал в Москве только в этих силах, только со своими актерами, выставив свой «якубинский коллектив». Когда все они начинали с нуля, с разъездного балаганчика. Теперь в афиши сплошная классика: Гоголь, Булгаков, Мольер, Эдвард де Филиппо. В их крошечном помещении вдруг стало легче дышать, появилось ощущение театральной сущности.

В этом я сразу убеждаюсь, входя в репетиционный зал, где нас ждут заслуженные артисты Российской Федерации Николай Коцергин и Виктор Шутов. Репетиции, на которую меня позвали, начинаются...

— Комедия «Плутник Скален» написанная сыном королевского обойщика Поклена (то есть Мольером), несколько заплыла, — говорит сын бранд-майора. — Конец первого акта, сцена у бочки, где речь заходит о женихстве, надо бы проветрить.

И вот все закрутилось и по-неслось, в казавшиеся излишне почтенными актеры разом сбросили по тридцать лет. Сейчас они почти юноши, влюбленные в майю и чародейство театра. А самый молодой (так они и есть) из них совершенно лысый, зато обросший роскошной бородой 48-летний режиссер. Вместе с актерами он поочередно играет то рассудительного отца семьи-старта Арганта, то хитроумного плутика Скалена. Он вскакивает на бочку и кричит: «О, безрас-

судство молодости!»

После репетиции мы отыхаем в директорском кабинете и наблюдаем, как сначала закипа-

ет, а потом настывает ароматный цейлонский чай. К нам заходят актеры, чтобы уточнить одному только режиссеру ведомые подробности ролей: из пышного цеха приносят костюмы для нового спектакля, кладут на стол директора умопомрачительные счета, из-за которых тот хватается за сердце.

— Следующая премьера, — говорит Валерий Иванович, — по пьесе Булгакова о Мольере «Кабала святош» («La cabale» — на нашей афише). Декорации к спектаклю стоят 4 миллиона рублей, костюмы — 3 миллиона.

В этот минуту Якунин-директор

Якунина-режиссера неизвестен

Якунин-режиссер презирает Якунин-директора за его скверноту.

— Удивительная по ритмике пьеса, — сказала мне однажды Юрийский. Сказали и вскоре сломали ключица, делая кульбит в роли Мольера. Ключица у Юрийского давно прослала, но теперь я трепещу за Якунина.

Сам же постановщик, оторвавшийся от чая, показывает мне декорацию спектакля Мольера. Она представляет собой три огромных тяжеленных пресса. Механизмы театра, власти, семьи. Зубчатые колеса отовсюду видны зрителям.

— Сегодня я стремлюсь очистить пьесу, — говорит Якунин, — от искусственной театральности. Я отказываюсь от знаков зла, от исторических аналогов; и даже стараюсь остановить время, чтобы булгаковская драма работала на все времена, а значит, и на наше время.

Давно известно, театр — как

бы вторая наша жизнь. Есть определенная группа лиц, для которых иллюзорная жизнь на сцене важнее первой, действительной и реальной. Важнее — оттого, что она идеальнее. Якунин сочувствует таким художникам. И понимает, отчего умер Мольер от невозможности жить без иллюзий.

На столе у Валерия Ивановича я увидел большой медный колокол со словами: «Мастер Чистыничи, отлит в 1858г. Подарили его друзья по сцене в Калужском драмтеатре в день отъезда в Москву, со словами: теперь ты стал эмигрантом.

Как случилось, что режиссер, влюбленный в русскую классику, долгое время стоял в основном западных авторов, он и сам тоже объяснять не может. («Неверное, оттого, что главный режиссер в Калуге русскими авторами увлекался сам»).

Через Гоголя я естественным образом пришел к Булгакову, — объясняет мне Валерий Иванович. — А теперь мечтаю о «Беспринадежной» Островского и о «Мертвых душах» того же Гоголя. Кого из живущих рядом соотечественников хотел бы ставить? Пожалуй, никого. Правда, мне ужасно нравится Люси Петрушевская.

Якунин — немножко старовер, немножко традиционалист. От современных драматургов и режиссеров держится в стороне. И только в актерском окружении Валерий Иванович испытывает истинную влюблённость.

— У меня в театре нет ни одного человека, которого бы мне

было нерадостно увидеть, — весь Камерный театр живет работает с этим ощущением. Есть такая высшая радость и свет: быть си и своих по духу людей.

— Ну а кто, — спрашиваю, — спрашиваю, — нравится тебе из коллег по режиссерскому цеху?

— Мой педагог, у которого учился в Институте культуры. — Ефим Табачников. Я хотел бы побывать у него в гостях в Нижнем Новгороде, да все как то некогда. Самый любимый и ушедший — конечно, Анатолий Эфрос. Он для меня идеал матери. Может быть, недостижимый.

Я думаю о том, что лет два-дцать назад познакомился с Виктором Фоменко. Моя влюбленность в театр — это влюбленность в них. Но тогда, два десятилетия назад, они еще не имели всеобщего признания. Теперь стали по-своему недостижимы. А как сложится дальнейшая судьба Якунина? Может быть, еще счастливей. Если учесть, что ему помогает сам Иоанн Предтеча.

Уходя из Камерного театра чутким ухом слышь, как по его залам легкой, надвигающей поступью прошелся Иоанн Предтеча.

В эти дни сын московского бранд-майора Якунин поспал через века поклон сыну парижского обойщика Поклена.

В. КЛИМЕНКО.

На снимках: В. Якунин на репетиции.

Фото В. ГОРДЕЕВА.